

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

1991

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. Н. Азбелев. Ф. И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса	3
В. А. Михнюкевич. Фольклор в «Бесах» Ф. М. Достоевского	18
Г. С. Ермолаев (США). О «Стремени „Тихого Дона“»	34

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Яков Голосовкер. Секрет автора („Штосс“ М. Ю. Лермонтова) (послесловие С. О. Шмидта)	45
Э. Э. Найдич. И все-таки Чаадаев!	72
О. В. Миллер. М. Ю. Лермонтов и художник П. И. Челищев	83

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Из неизданных писем Карамзина (публикация В. Э. Вацуро)	88
А. И. Рогова. Стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (текстологические проблемы)	99
Е. Ю. Степанова. Новые материалы к научной биографии Д. И. Писарева	114
Миливое Йованович (Югославия). Об одном источнике «Облака в штанах» В. Маяковского	119
Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову (вступительная заметка, подготовка текста и примечания М. М. Павловой)	124
А. С. Долинин. Из публицистики 1919 года (публикация Е. Н. Дрыжаковой, США)	159
Неопубликованная пьеса М. А. Кузмина «Соловей» (вступительная статья и публикация А. Г. Тимофеева)	167
«Русский Дон-Жуан» И. А. Бунина (публикация М. Н. Алексеевой, вступительная статья и примечания В. Е. Багно)	184
Томас Венцлова (США). Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки (на примере сонета СССХI)	192

«НАУКА»

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Из переписки М. А. Булгакова 1926—1939 годов (Н. Н. Лямин, Н. К. Шведе-Радлова, С. С. Кононович) (публикация В. В. Бузник)	200
--	-----

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

В. К. Лебедев. Анатолий Фаресов	221
---	-----

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

Т. И. Орнатская. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? (к истории интерпретации фамилии героя)	229
А. Б. Блюмбаум. Блоковские реминисценции «Заблудившегося трамвая»	231

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. Б. Трофимова. Новая биография Тургенева	232
--	-----

ХРОНИКА

Н. М. Сперанская. Первая международная пушкинская конференция «Пушкин и мировая культура»	235
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из русской поэзии начала XX века (составление и вступительные заметки В. Ю. Бобрецова)	
Вадим Шершеневич	247
Анатолий Мариенгоф	266
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 1991 году	276

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
В. Н. БАСКАКОВ, Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ,*
Г. А. ГОРЫШИН, В. Я. ГРЕЧНЕВ, Н. А. ГРОЗНОВА, Л. А. ДМИТРИЕВ, Б. Ф. ЕГОРОВ,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, А. М. ПАНЧЕНКО, В. А. ТУНИМАНОВ, С. А. ФОМИЧЕВ,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ КАРАМЗИНА

(ПУБЛИКАЦИЯ В. Э. ВАЦУРО)

Переписка Николая Михайловича Карамзина является, без сомнения, одной из важнейших частей его литературного и научного наследия и первостепенным по важности источником по истории духовной жизни русского общества на протяжении четырех десятилетий его стремительного интеллектуального и социального развития. Между тем мы едва ли найдем другой памятник подобного же значения, который был бы до такой степени обойден издательским и исследовательским вниманием. Даже письма Карамзина к И. И. Дмитриеву, без которых не обходится ни один исследователь культурной жизни 1780—1820-х годов, после первой публикации 1866 года не переиздавались и не комментировались, и научный их аппарат до сих пор остается на уровне знаний о Карамзине, накопленных к середине прошлого века. Еще более печальная судьба постигла письма Карамзина к брату Василию Михайловичу — более 250 писем, писавшихся на протяжении тридцати лет: они печатались в 1840—1850-е годы, частью в извлечениях, частью с купюрами и практически без всяких примечаний. В настоящее время Пушкинским Домом подготовлен к печати сборник «Карамзин. Исследования и материалы», куда включены полные тексты этих писем за 1796—1798 годы, публиковавшиеся в отрывках или вовсе неизданные, — но это, конечно, мало меняет общую ситуацию. Подлинники многих писем, использованных М. П. Погодиным в его труде «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии» (М., 1866. Ч. 1—2) — единственном по сие время своде документальных материалов о Карамзине, ушли из поля зрения исследователей и в настоящее время неизвестны. За несколько последних десятилетий опубликованы лишь единичные письма Карамзина.¹

Между тем неизданные письма Карамзина вовсе не редкость в наших архивохранилищах. Собранные вместе и прокомментированные на современном уровне, они дадут богатейшую культурную панораму и откроют нам новые и, может быть, неизвестные ипостаси духовного мира одного из самых выдающихся русских писателей и мыслителей.

Издание переписки Карамзина — насущная научная необходимость. Однако оно ставит перед собирателями и публикаторами совершенно специфические трудности. В эпистолярных текстах Карамзина нередки семантически значимые лакуны; фигура умолчания становится подчас конструктивной особенностью письма. Следы автоцензуры обнаруживаются в его письмах на каждом шагу: вначале это была естественная осторожность участника новиковского кружка, пережившего эпоху преследования масонов и перлюстрацию писем в последние годы екатерининского, а затем и в павловское царствование; позднее — сдержанность человека, причастного к «высшей политике» правительства Александра I. Комментарий к письмам Карамзина не может не учитывать этих особенностей, равно как и особенностей самой личности адресанта, тщательно оберегавшего от посторонних глаз свой внутренний мир. Задачей комментатора становится поэтому не только пояснение содержания письма, но и — по мере возможности —

воссоздание его широкого исторического, биографического и культурного контекста. Настоящая публикация представляет собой опыт расширенного комментирования нескольких неизданных писем Карамзина.

Подобно всякой публикации единичных эпистолярных текстов, предлагаемая ниже подборка носит в известной мере случайный характер. Это как бы несколько эпизодов из истории литературных, общественных и бытовых связей Карамзина, однако каждый из них обозначает определенный этап его биографии. Первый, самый ранний, представленный письмом к А. В. Колмакову 1793 года, — период издания «Московского журнала», когда основные интересы Карамзина лежат в области литературы, философии и политики. Письмо к Колмакову вводит в биографию Карамзина совершенно новое имя; адресат его — заурядный поэт и переводчик, специализировавшийся, однако, на переводах не с французского, а с английского языка, что было не столь уже частым явлением в 1790-е годы. Вопросы перевода и становятся предметом обсуждения в этом письме, и из него мы впервые узнаем о том, что в первой половине 1790-х годов Карамзин намеревался реально осуществить свой давний план полного издания «Созерцания природы» Ш. Бонне. Нельзя сказать с определенностью, кто должен был стать переводчиком книги, — сам ли Карамзин или А. А. Плещеев; последнее предположение представляется нам даже более вероятным. Напомним, что это письмо пишется в канун «знаменского периода» в биографии Карамзина, когда связи его с семейством Плещеевых приобретают, помимо бытового и дружеского, еще и профессионально-литературный характер; в ближайшие же годы из «знаменского кружка» выходит несколько оригинальных и переводных произведений, принадлежавших перу как самого Карамзина, так и других членов дружеского сообщества.²

Вторая публикуемая записка — к старинному знакомцу Карамзина и одному из виднейших деятелей масонства И. В. Лопухину — интересна как самый факт эпистолярной связи. До сих пор была известна только одна записка Карамзина к Лопухину, хранившаяся в собрании автографов М. С. Лесмана и опубликованная нами в 1989 году; за внешне незначачим ее текстом открывалась целая биографическая перспектива, ведущая к малоизвестному «очаковскому» периоду жизни Карамзина, проходившему под знаком его увлечения П. Ю. Гагариной. Настоящая записка, несомненно, относится к тому же периоду и говорит о частоте общения с Лопухиным; вероятно, число подобных записок было довольно велико и они могут быть еще обнаружены.

Третье из публикуемых писем соответствует уже новому этапу биографии Карамзина, когда он предстает перед нами сложившимся и увлеченным историком. Адресат этого письма определяется здесь впервые: это князь Ю. В. Долгорукий, некогда главнокомандующий Москвы. В общих чертах о переписке с ним Карамзина было известно из писем историографа к А. И. Тургеневу, но подлинное письмо Карамзина обогащает картину отношений. Оно показывает нам — несколько неожиданно, — что престарелый вельможа добровольно взял на себя роль своего рода эмиссара Карамзина в разыскании редких изданий по истории России и что Карамзин пользовался его услугами. Это письмо важно и своим непосредственным содержанием: из него видно, насколько остро Карамзин интересуется в 1809 году знаменитым сочинением армянского историка Мосеса Хоренаци «История Армении». Использование этого источника в «Истории государства Российского» уже было предметом внимания и в русской, и в армянской историографии; письмо к Ю. Долгорукому не меняет сложившихся представлений, но обогащает их дополнительными и довольно выразительными штрихами.

Последняя группа публикуемых документов — письма к П. П. Свиньину, Б. М. Федорову и примыкающее к ним письмо к Свиньину К. С. Сербиновича, написанное уже после смерти Карамзина, — относится к последним годам жизни

историографа и пополняет картину его поздних литературных и бытовых взаимоотношений. Среди этих текстов особое значение имеет мемуарное письмо Сербиновича. Оно вносит немаловажные детали в историю посмертной канонизации Карамзина, о которой автору этих строк пришлось в свое время писать специально. Из него выясняется, в частности, что Сербинович как историк и как доверенное лицо Карамзина в последние годы пытался осторожно противодействовать созданию официозной легенды о Карамзине, корректируя ее с фактической стороны, и в этом отношении солидаризировался с пушкинским кругом. Это обстоятельство уже выходит за пределы собственно биографии Карамзина в область внутренней истории пушкинского литературно-общественного окружения; однако и как биографический документ письмо Сербиновича имеет первостепенное значение.

Мы обозначили лишь некоторые самые общие проблемы, возникающие в связи с публикацией неизданных эпистолярных текстов Карамзина; более частные (хотя иной раз и не менее важные) мы пытались поднять в комментариях к самим письмам, к которым теперь и отсылаем читателя.

¹ См. перечень публикаций писем Карамзина в кн.: История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962. С. 353—355; Н. М. Карамзин: Библиографический указатель / Сост. Н. И. Никитина, В. А. Сукайло. Ульяновск, 1990. С. 14—16.

² См.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 242 и след.

А. В. Колмакову

15 января 1793 г. Москва

Москва, 15 янв. 1793.

Искренно благодарю вас за ваше приятное письмо и за «Алкоран», о котором, по желанию вашему, скажу нечто в последнем месяце «Московского журнала».¹

Естьли вы когда-нибудь приедете в Москву, то прошу вас одолжить меня своим посещением.

Я вместе с вами жалею, что петербургский перевод «Рассматривания природы» не совсем достоин подлинника. Может быть, через несколько месяцев выйдет в Москве другой перевод сей полезной книги.²

Желая знать вас лично, остаюсь

вашим покорным слугою

Николай Карамзин

Автограф: ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 572.

Письмо адресовано Алексею Васильевичу Колмакову (ум. 1804), переводчику Адмиралтейской коллегии, автору сборника «Стихотворения» (СПб., 1791). Колмакову принадлежал перевод «Ал-Корана Магомедова» (с английского перевода Дж. Сейля), вышедший в Петербурге в 1792 году (ч. 1—2); позднее он переводил «Стерново путешествие по Франции и Италии...» (с английского) (СПб., 1793. Ч. 1—3) и трагедию Дж. Аддисона «Катон» (СПб., 1804).

¹ Рецензия на перевод «Ал-Корана Магомедова» появилась в кн. VIII «Московского журнала» за 1792 год, вышедшей с запозданием (с. 332—334). Отзыв отличается сдержанностью и избегает оценок перевода; Карамзин предполагает лишь, что он должен иметь преимущество перед прежними переводами Кантемира и Веревкина, так как сделан с авторитетного английского перевода Сейля. «Вероятно, что г. Колмаков постарался соблюсти смысл своего оригинала, которого я на сей раз не имею перед глазами» (с. 234).

² «Рассматривание природы» («Созерцание природы», «Contemplation de la Nature») — одно из основных сочинений Шарля Бонне (Bonnet, 1720—1793), швейцарского естествоиспытателя и философа,

особенно любимого Карамзиным (см.: *Канунова Ф. З.* О философских взглядах Жуковского: Жуковский — читатель Шарля Бонне // Библиотека Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 331—334). Перевод «Созерцания природы», сделанный И. И. Виноградовым, начал выходить в Петербурге (СПб., 1792—1796. Ч. 1—4). Как отзыв Карамзина об этом переводе, так и глухое сообщение о готовящемся в Москве новом переводе чрезвычайно существенны. Еще в 1789 году сам Карамзин перевел два обширных отрывка из «Созерцания природы» («Статьи из „Contemplation de la Nature“, Боннетова сочинения» // Детское чтение. 1789. Ч. 18. С. 3—53; Ч. 19. С. 165—205). Во время посещения Бонне в Женеве в декабре 1789 года Карамзин сообщил ему, что хотел бы перевести его сочинения, начав с «Рассматривания природы» (именно такой перевод заглавия сочинения Бонне принят и в письме к Колмакову, и в ранних изданиях «Писем русского путешественника»), и получил согласие; в беседе шла речь и о сравнительных достоинствах немецкого и итальянского переводов «Созерцания природы» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 168—169, 435). Можно думать, что Карамзин говорит о своем собственном намерении осуществить этот замысел. Еще более вероятно, однако, что он имеет в виду уже готовый перевод А. А. Плещеева, который еще в 1787 году подавал в московскую цензуру рукопись под названием «Рассмотрение природы» (несомненно, перевод того же трактата Бонне); судьба ее ныне неизвестна (см.: *Крестова Л. В.* А. И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина // XVIII век: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. Сб. 10. С. 265). Ни один из московских переводов Бонне в печати не появился.

И. В. Лопухину

1797—1799 (?)

Я был в Очакове третьего дни; но естли вы поедете туда через Тверскую, то заезжайте хотя на минуту к вашему почитателю. Я очень желяю видеть любезнейшего Ивана Владимировича.

Автограф: ГПБ. Ф. 336. Оп. 1. № 15.

Адресат записки — один из известнейших деятелей русского масонства и давний знакомый Карамзина Иван Владимирович Лопухин (1756—1816) — устанавливается как по имени и отчеству в тексте, так и по содержанию записки. И по содержанию, и по палеографическим данным (бумага, чернила) она очень близка к другой записке Карамзина к Лопухину, хранящейся в коллекции М. С. Лесмана: «Я был у моего почтенного и любезного Ивана Владимировича и жалею сердечно, что не застал его дома. Дай Бог, чтобы вы были здоровы и покойны! Завтра думаю ехать в Очаков. Н. Карамзин» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 334). Очаково — подмосковное имение Трубецких, в 8 верстах от Москвы, где жили в летние месяцы кн. Варвара Александровна Трубецкая, ее муж Николай Никитич, деверь Юрий Никитич и другие члены семейства, а также М. М. Херасков (сводный брат Н. Н. Трубецкого). Как вспоминал И. М. Долгоруков, в Очакове постоянно устраивались празднества и был культ литературных занятий (*Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М., 1874. С. 272—274). Посещать Очаково Карамзин мог не ранее 1796 года, когда были освобождены из ссылки и из-под фактического домашнего ареста масоны Лопухин и Трубецкие (последние до смерти Екатерины II были вынуждены жить в своей деревне Никитовке в Воронежском наместничестве). По данным итинерария Лопухина, записка из коллекции М. С. Лесмана относится скорее всего к 1797—1799 годам (см. наш комментарий к ней в указ. изд., с. 332, 334). По-видимому, так же датируется и настоящая записка, из которой следует, между прочим, что Карамзин и Лопухин неоднократно посещали Очаково вместе. На Тверской (возле церкви Василия Кесарийского, в доме А. А. и Н. И. Плещеевых) Карамзин жил до лета 1800 года.

Ю. В. Долгорукому

20 июля 1809 г. Остафьево

С. Остафьево, июля 20, 1809 г.

Сиятельнейший князь!

Милостивый государь!

Приношу Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за доставленную мне Эльмакинову историю, книгу редкую. Хотя я уже давно нашел ее в библиотеке Миллеровой, но чувствую всю цену вашего одолжения. Уверенный таким образом в вашем ко мне благорасположении и желании способствовать успеху трудов моих, беру смелость просить у вас нового одолжения. Нельзя ли у книгопродавцев Амстердамских найти Армянской Истории Моисея Хоренского? *Mosis Chorenensis Historiae Armenicae Libri III; Londini, 1736.* Сия книга не столь редка, как Эльмакин; однако ж я не мог достать ее.¹ Вы крайне меня обяжете и сделаете услугу нашей Истории, которою день и ночь занимаюсь, ободренный Монархом и следуя собственной охоте. Но покорнейше прошу Ваше сиятельство уведомить меня о цене той и другой книги, чтобы я мог с благодарностию отдать за них деньги в Москве управителю вашему.

Приимите уверение в моей душевной преданности и высокопочитании, с коим имею честь быть, Сиятельнейший князь,

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Николай Карамзин

Автограф: ГПБ. Ф. 588. (Погодинские автографы). № 253.

Адресат письма — князь Юрий Владимирович Долгорукий (1740—1830), военачальник, член Государственного совета, в 1796—1797 годах бывший главнокомандующим в Москве. И. И. Дмитриев, общавшийся с ним по службе в 1807 году, характеризовал его как «благоразумного и почтенного старца» (*Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 91*). О своей переписке с Долгоруким и полученном от него экземпляре книги Эльмакина (*al Makin al-Amid, Djirdjis, 1205—1273*) «*Historia Saraceni... Arabice olim exarata a Georgio Elmacino ... Et latine reddita opera ac studio Th. Erpenii...*» (*Leiden, 1625*) Карамзин упоминал в письме А. И. Тургеневу от 23 августа 1809 года из Москвы: «Посылаю вам „Эльмакина“, любезный Александр Иванович. Князь Долгоруков прислал мне его при учтивом письме. Изъявив ему благодарность, я сказал в ответ, что эта книга у меня есть». К этому месту письма сделано примечание А. И. Тургенева: «Эльмакин, или Альмакин, арабский писатель в самом начале XIV века, иначе называемый Ибн Эль Амид. Я выписывал книгу его „Historia Saraceni“ для Карамзина из Голландии. В 1807 году книга Эльмакина не была еще известна в России. Академик Френ упоминает о ней не раз в книге своей. Карамзин ссылается на нее пять раз в примечаниях к первому тому „Истории государства Российского“» (*Русская старина. 1899. № 1. С. 226*).

¹ С просьбой о книге Моисея Хоренаци (Хоренского, V век) «История Армении» Карамзин обращался к Н. Н. Новосильцову в письме из Москвы от 23 августа 1809 года (*Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин... М., 1866. Т. 2. С. 51*). Книга была доставлена ему из Академической библиотеки А. И. Тургеневым вместе с Ипатьевской летописью (см. письма Карамзина А. И. Тургеневу от 15 октября и 12 декабря 1809 года: Там же. С. 52—53; *Русская старина. 1899. № 1. С. 228—230*). Издание, о котором просил Карамзин, — латинский перевод сочинения армянского историка, сделанный братьями Г. и Г. Вистонами, известный в России еще в XVIII веке (*Mosis Chorenensis Historiae Armenicae libri III... Armenicae ediderunt, latine verterunt, notis illustrarunt G. et G... Whistoni... London, 1736*). См. сведения о его распространении: *Акопян Э. А. Арменоведение в России. Ереван, 1988. С. 32—33*. В 1809 году вышел русский его перевод Иосифа Иоаннесова. На труд Хоренаци Карамзин ссылается в первом томе «Истории государства Российского», где речь идет о булгарах, хазарах и аланах. Ср.: *Хачатрян Р. Материалы по истории армянского народа в трудах Н. М. Карамзина // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. Ереван, 1975. № 7; Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 178, 186, 189, 203*.

П. П. Свиньину

9 июля 1820 г. Царское Село

Царское Село, 9 июля 1820

Искренне благодарю Вас, милостивый государь Павел Петрович, за доставление мне Вашего любопытного журнала, который читаю с истинным удовольствием. Остается только желать, чтобы следующие книжки не уступали в достоинстве двум первым, т. е. были так же любопытны. Искренно благодарю Вас и за предложение напечатать там какой-нибудь отрывок из 9-го тома моей Истории; но не умею ничего выбрать: историю надобно читать в связи.

Будьте здоровы, пишите и сохраните Ваше доброе расположение к Вашему покорнейшему

Н. Карамзину

На обороте: Его высокоблагородию милостивому государю Павлу Петровичу Свиньину. Спросить об его квартире в типографии или в книжной лавке г. Плавильщикова в С.-Петербурге.

П. П. Свиньину

1823—1825

Я желал бы узнать от вас, почтенный Павел Петрович, в котором часу могу не беспокоить вас своим посещением; но когда вы приказываете мне назначить час, то явлюсь к вам после обеда в седьмом часу, прямо от Катерины Фед(оровны) Муравьевой, где буду обедать. Вам преданный

Н. Карамзин

Автографы: ЛО ААН. Разр. II. Оп. 1. Д. 203. Л. 52; ГПБ. Ф. 679 (Свиньин). Оп. 1. № 48.

Павел Петрович Свиньин (1787—1839), к которому обращены публикуемые записки, — писатель, коллекционер, путешественник, издатель (с 1820 года) журнала «Отечественные записки». 9 июля 1820 года Карамзин сообщал И. И. Дмитриеву: «Свиньин на днях писал ко мне и просил, чтобы я дал ему главу 9-го тома для помещения в его журнале» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 292). Желание Свиньина получить отрывок из «Истории» для журнальной публикации стояло в прямой связи с обостренным общественным интересом к готовящемуся 9-му тому; 8 января 1820 года Карамзин читал из него описание царствования Ивана Грозного в заседании Российской Академии; чтение это произвело большое впечатление на слушателей (см.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989. С. 98 и след.). Первое из публикуемых писем Карамзина, разысканное и предоставленное нам для публикации А. Г. Тартаковским, и является ответом на это не дошедшее до нас письмо Свиньина. В дальнейшем Свиньин продолжал поддерживать связи как с Карамзиным, так и (в особенности) с И. И. Дмитриевым, с которым вел систематическую переписку, отчасти связанную с делами журнала. В 1821 году он поместил в «Отечественных записках» (№ 10. С. 224) «письмо издателя» к Д. П. Трощинскому о торжественном собрании в Российской Академии 5 февраля 1821 года, где Карамзин читал из 9-го тома описание осады Баторием Полоцка и Пскова (см. об этом: Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 158, 469); в 1823 году адресовал А. А. Прокоповичу-Антонскому подобное же «письмо» с отчетом о торжественном собрании в Российской Академии 14 января 1823 года с чтением отрывков из 10-го тома (Отечественные записки. 1823. № 33. С. 154—163; ср.: Козлов В. П. Указ. соч. С. 116). И. И. Дмитриев считал «Отечественные записки» Свиньина единственным журналом, сохранившим благожелательное отношение к «Истории» Карамзина в начавшейся полемике вокруг нее 1820-х годов (Дмитриев И. И. Соч. Т. 2. С. 158—159). Летом 1823 года, вернувшись из путешествия по Волге (см. о нем: Отечественные записки. 1824. Янв. № 45. С. 1), Свиньин нанес Карамзину визит в Царском Селе, о чем Карамзин писал Дмитриеву 24 сентября 1823 года: «Вчера был у меня Свиньин и сказывал, что ты пишешь исторические записки» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 358). Возможно, вторая, недатированная записка Карамзина к Свиньину относится как раз к этому времени. Из содержания ее очевидно, что она написана в Петербурге, уже после того как Карамзин переехал из дома Е. Ф. Муравьевой на новую квартиру (на Моховую, в дом Межуева), что случилось осенью (не ранее конца октября) 1823 года (Русская старина. 1874. № 9. С. 65; Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. С. 141, 148).

Значительную часть 1824 и 1825 года Свиньин отсутствовал в Петербурге: в июне—октябре 1824 года он путешествовал по России (см.: Отечественные записки. 1824. № 53. Сент. С. 409; № 54. Окт. С. 164; № 55. Ноябрь. С. 323), в его отсутствие журнал редактировал Б. М. Федоров (см. ниже); в мае—ноябре 1825 года был в Крыму и на Кавказе (см.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 173, 178). Таким образом, записка Карамзина могла быть написана в промежутке между ноябрем 1823-го и маем 1824 года или в период от середины декабря 1824 года, когда Карамзин вернулся из Царского Села и несколько оправился от простуды (см.: Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 159), до начала мая 1825 года. Более поздняя дата визита (декабрь 1825 года — 1826 год) очень маловероятна: события этого времени (смерть Александра I в ноябре 1825 года, восстание 14 декабря, а затем начавшаяся, уже предсмертная, болезнь Карамзина) почти исключали частые визиты. 20 мая 1826 года Свиньин сообщал А. Я. Булгакову о приближающейся смерти Карамзина (скончавшегося 22 мая): «Воображая, как бедный Иван Иванович (Дмитриев. — В. В.) будет опечален вестию о кончине Николая Михайловича Карамзина, который находится при последнем конце, сейчас соборован маслом, я покорнейше прошу Ваше превосходительство при первом случае потрудиться сказать ему, сколь искреннее участие принимаю я в сей невозвратной потере, почитая неуместным растравлять его рану письменным оною изъявлением» (ОР ГБЛ. Ф. 41. Карт. 130. Д. 8. Л. 10). (Сообщено А. Г. Тартаковским). Свиньину принадлежал один из первых некрологов Карамзина, где была последовательно проведена официозная точка зрения на жизнь и деятельность историографа (см. ниже), а также мемуарная заметка о посещении И. И. Дмитриевым могилы Карамзина в 1835 году (Свиньин П. П. Дмитриев при гробе Карамзина // Северная пчела. 1838. № 19).

Б. М. Федорову

16 января 1826 г. Петербург

Любезный Борис Михайлович!

Вы, конечно, верите моему искреннейшему участию в судьбе вашей; как прискорбно мне слышать, что ваш начальник, Г. И. Карташевский, справедливо недоволен вами! Вы оказываете неповиновение, то есть не сдаете дел, и можете тем раздражить его. Какие будут следствия? Вы отец семейства. Пощадите себя и ваших доброжелателей, любезный Борис Михайлович; в числе их и меня. Не откажите мне в просьбе: она же состоит в том, чтобы вы как можно скорее сдали дела, ежедневно являясь для того в вашем департаменте. В этой надежде искренно к вам привязанный

Н. Карамзин

16 Генв(аря)
1826

Автограф: ГПБ. Ф. 608. Оп. 1. № 4908.

Борис Михайлович Федоров (1798—1875) — литератор, журналист, чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1818—1826), в 1821—1823 годах секретарь при директоре департамента А. И. Тургеневе. Сослуживец и приятель К. С. Сербиновича. С 1821 года постоянный посетитель Карамзина (см. записи в дневнике Сербиновича под 13 марта 1821 года: «Б. М. у Карамзиных» (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5581. Л. 25); 4 мая 1821 года — о разговоре у Карамзиных о Федорове (Л. 68, об. — 69); 21 февраля 1822 года Карамзин через него и А. И. Тургенева передает приглашение Сербиновичу (Л. 117—118); 6 декабря 1823 года Федоров вместе с Сербиновичем отправляется поздравить Карамзина с именинами (№ 5582. Л. 44, об.) и т. п.). Как литератор Федоров испытал на себе воздействие сентиментальной школы; в полемиках начала 1820-х годов он занял антиромантическую позицию, выступив против поэтов пушкинского круга (Дельвига, Баратынского) и гражданских романтиков декабристской ориентации; негативное отношение к литературной деятельности Федорова было свойственно Вяземскому, Бестужеву и всему пушкинскому кружку. Карамзин тем не менее проявлял интерес как к самому Федорову, так и к его литературной работе; ему нравился, в частности, роман Федорова «Князь Курбский», печатавшийся отрывками в «Отечественных записках» (1825. Ч. 21—23; отд. изд. — СПб., 1843). См. письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 24 марта 1824 года (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 25); ср. также запись Сербиновича о вечере у Карамзина 30 марта 1825 года с Гнедичем, Воейковым и Федоровым, где говорили об этом романе (Русская старина. 1874. № 10. С. 238). Карамзин принимал участие и в бытовых и служебных делах Федорова. 26 мая 1824 года он написал ему и Сербиновичу рекомендательное письмо к А. С. Шишкову с лестной характеристикой (оно приведено в воспоминаниях

Сербиновича с зашифровкой имени Федорова «NN ...», к моменту публикации еще здравствовавшего). В письме Карамзин писал: «Уверенный в вашем добром ко мне расположении, прошу ваше высокопревосходительство о милостивом внимании к двум чиновникам, которые теперь имеют честь служить под вашим начальством в департаменте духовных дел: NN ... (Борису Михайловичу Федорову. — В. В.) и Константину Степановичу Сербиновичу. Первый может быть известен вам своими стихотворениями и драматическими сочинениями; второй — также хорошо и правильно пишет, знает древние и новые языки. Оба (что еще важнее) отличаются благонравием и поведением беспорочным. Я коротко их знаю и люблю искренно. Они достойны вашего покровительства» (Русская старина. 1874. № 9. С. 70—71).

Публикуемое письмо — попытка уладить служебные трения Федорова с Григорием Ивановичем Карташевским (1777—1840), с 16 марта 1824 года ставшим директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Карташевский сменил на этом посту А. И. Тургенева, отставленного в связи с переменами в Министерстве народного просвещения. Об отставке Тургенева Карамзин писал Вяземскому 13 июня 1824 года: «Он спокоен, беспечен, как полусвятой; а я был огорчен до глубины сердца и люблю его более, нежели когда-нибудь... Кажется, что его недоброжелатели умели повредить ему во мнении...» (Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 154). Федоров был лично предан Тургеневу, который 26 декабря 1826 года справлялся у Сербиновича о состоянии служебных дел своего прежнего секретаря: «...что с ним делается и музам ли только он служит?» (Русская старина. 1881. № 6. С. 188). По-видимому, эта прочная привязанность сказывалась и на взаимоотношениях Федорова с его новым начальством; отсюда становятся понятными и мягкие, увещательные интонации в письме Карамзина. Со своей стороны, Карташевский не хотел обострять отношений; в дневнике К. С. Сербиновича отмечено, что 21 января 1826 года Карташевский посетил Карамзина «вследствие ходатайства Николая Михайловича за Б. М. Федорова» (Русская старина. 1874. № 10. С. 260). Основания к такому визиту давали Карташевскому и связи свойства: с 1817 года он был женат на Надежде Тимофеевне Аксаковой — сестре писателя (см.: *Сиверс А. А.* Генеалогические разведки. СПб., 1913. Вып. 1. С. 93). Аксаковы были в родстве с Карамзиными — на Екатерине Петровне Аксаковой был женат дед историографа полковник Е. П. Карамзин (см.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 25—29). Дом Карамзина посещали Н. Т. и С. Т. Аксаковы; последний вспоминал, что «бывал у Карамзина не как любитель словесности или словесник, а как его земляк, сосед и дальний родственник» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 309). Федоров уволился из департамента уже после смерти Карамзина, 1 августа 1826 года, «по прощению» и до 20 февраля 1827 года находился «вне службы» (копия формулярного списка Федорова в картотеке Б. Л. Модзалевского в ИРЛИ).

К. С. Сербинович — П. П. Свиныну

1 июня 1826 г.

Милостивый государь
Павел Петрович!

С удовольствием исполняя желание ваше, я пересмотрел пиесу, которую вы мне сообщили, и возвращаю вам оную с моими замечаниями.

Повинуясь вам, я заметил все так, как мне казалось. Вы можете со мною не согласиться; но тем не менее считаю долгом говорить вам правду по моему убеждению.

Места, замеченные карандашом, я полагал бы исключить или заменить чем-либо другим, вот тому причины:

1. Болезнь Н. М-ча произошла от простуды, от которой еще в начале сего года было у него воспаление в груди: от того и чахотка. Сверх того после сильной горячки 1823 года он уже не мог оправиться; может быть, неприметно здоровье его расстроивалось и от того, что он имел обыкновение оставаться каждый год в Царском Селе в сырое осеннее время до ноября месяца, — также и от беспрерывных трудов его. Кончина Государя могла только содействовать его болезни, но не была единственною причиною оной; издатели Сев(ерной) Пчелы присовокупили, что смерть императрицы Елисаветы Алексеевны довершила его горесть. Но он был в это время так слаб, что ничто уже не могло сильно действовать на душу его. Я полагаю сказать просто, что он в последний год

жизни своей имел горесть слышать о кончине сих августейших особ, которым был душевно предан.¹

2. Желая согласить обе стороны, я думаю, что не угодишь ни одной из них. Мое мнение есть, что Н. М. мог в первых сочинениях своих увлекаться некоторым пристрастием к иноземному, но История, им написанная, кажется мне образцовою книгою русского слога, и я полагаю, что писатель, поставивший словесность свою на столь высокой степени изящности, опередивший современников своих несколькими десятилетиями, должен быть и в сем отношении бессмертен подобно Ломоносову. В историческом же отношении и *текст* и *примечания* останутся памятником ума и талантов его. Примечания пребудут навсегда драгоценнейшим сокровищем многообразных сведений; а текст? сие образцовое произведение исторического красноречия, соединенного с глубокою политикою и здоровою критикою, — великое в целом, в расположении частей и в отделке самых подробностей, — может ли когда-либо потерять свое достоинство? Мне кажется, что он будет бессмертен вместе с творениями Фукидида, Ливия, Мюллера, и что не одни токмо примечания будут памятником талантов историка, — примечания, которые без текста не имеют между собою даже и связи.²

3. Я не слыхал, чтобы 12 том был обработан с большею тщательностию, а только знаю, что Н. М., подобно Бюффону, обрабатывал каждый предмет с равным старанием и с непонятным терпением. Он хотел, так сказать, чтобы каждая черта его произведения была *non plus ultra* сил его.³

4. Думаю пропустить исчисление выгод, полученных автором от Истории: ибо нельзя иметь о них верного сведения. Можно сказать вообще, что сия книга была самая счастливая в сем отношении из всех книг, вышедших в России.⁴

Вот мои мысли, мои замечания, написанные со всею откровенностию, какой вы сами от меня хотели.

Между тем я советовал бы погодить. Борис Михайлович, конечно, молчит не напрасно. Я уверен, что мысли его будут изливанием признательного сердца к памяти мужа, который был искренно к нему расположен. Сии мысли тем более будут иметь достоинств, огня, по крайней мере, я в том уверен.

С истинным почитанием и совершенною преданностию имею честь быть,

милостивый государь,
вашим покорнейшим слугою

К. Сербинович

1 июня 1826

Автограф: ГПБ. Ф. 679 (Свиньин). Оп. 1. № 109.

Публикуемое письмо К. С. Сербиновича П. П. Свиньину представляет весьма значительный интерес для изучения истории формирования «легенды о Карамзине».

Автор его Константин Степанович Сербинович (1796—1874) — чиновник Коллегии иностранных дел, с 1820 года — Департамента духовных дел (при директоре А. И. Тургеневе), с 1824 года чиновник особых поручений при министре народного просвещения А. С. Шишкове. В 1819 году он познакомился с Карамзиным и до самой смерти историографа выполнял функции его фактического секретаря и помощника в работе над «Историей»; его мемуары (Н. М. Карамзин: Воспоминания // Русская старина. 1874. № 9. № 10), написанные на основании его обширного дневника (ныне хранящегося в фонде Вяземских в ЦГАЛИ), являются одним из важнейших источников для биографии Карамзина в 1820-е годы.

Письмо написано в первые дни после смерти Карамзина и является своеобразной рецензией на некрологическую статью Свиньина о Карамзине, подготовленную для «Отечественных записок» и появившуюся в июньской книжке журнала (1826. № 74. С. 445—453). Отсутствие автографа статьи не дает возможности определить точно, что и в какой мере было переработано под влиянием замечаний Сербиновича, однако печатный текст показывает, что ряд важных мест статьи Свиньин оставил без изменения.

Как известно, некрологи Карамзина, напечатанные в «Северной пчеле» (1826. № 64. 29 мая; статья Н. И. Греча), «Русском инвалиде» (1826, 26 мая) и некролог Свиньина в «Отечественных

записках» были началом официальной трактовки личности и деятельности Карамзина; они содержали концепцию «идеального верноподданного», друга царствующего дома. Этой концепции было подчинено даже освещение сугубо личных моментов жизни Карамзина — так, Сербинович упоминает об утверждении Греча, что «кончина государя благодетеля поразила благодарного Карамзина жестоким ударом: он впал в изнурительную чахотку», а «известие о кончине императрицы Елисаветы Алексеевны погрузило его в новую скорбь, от которой увеличались болезненные его припадки» (Северная пчела. 1826. № 64. 29 мая). Официозная версия, не соответствовавшая действительности, вызвала резко отрицательную реакцию со стороны Вяземского, А. И. Тургенева, Пушкина; последний 10 июля 1826 года писал Вяземскому: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки» (Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 13. С. 286). Об отношении пушкинского круга к этим концептуальным моментам официальной биографии Карамзина см.: Мейлах Б. С. Из политической биографии Пушкина после восстания декабристов // Проблемы современной филологии. М., 1965. Ни в коей мере не принадлежа к оппозиционным правительству кругам, Сербинович, однако, также недвусмысленно выступает против творимой официозной легенды в статьях Греча и Свинына; как свидетель последних лет жизни Карамзина, принятый у него в доме, он критикует ее с фактической стороны, разрушая тем самым и концептуальную ее основу. Маленькое, словно попутно высказанное замечание о желательности «пропустить исчисление выгод, полученных автором от Истории» показывает, что Сербинович делает это последовательно и сознательно; столь же сознательно Свинын игнорирует это предложение, сохраняя общий контур своей концепции. Не ограничиваясь «фактографической» критикой, Сербинович вступает в спор об общем значении «Истории государства Российского» и решительно становится на сторону Карамзина против его критиков, от Шишкова до Булгарина, возражая против стремления Свинына занять промежуточную позицию и «согласить обе стороны». Дополнением к письму являются дневниковые записи и поздние мемуарные заметки Сербиновича: он рассказывает, в частности, о своем споре с Булгариным по поводу достоинств «Истории» 2 мая 1827 года: «Булгарин поддерживает свои критики — я опровергаю их» (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5586. Л. 30—30, об.). Еще более любопытны замечания Сербиновича об отношении к Карамзину А. С. Шишкова, которому Свинын дает почти апологетическую характеристику, в противоречии с действительностью изображая его примирителем враждующих литературных партий. Сербинович был связан с Шишковым не только служебными, но и личными отношениями; он был принят в семье и пользовался расположением не только хозяина, но и первой, а затем и второй его жены (Д. А. Шишковой и Ю. О. Лобаржевской). В воспоминаниях Сербиновича под 12 июля 1825 года читаем запись о Д. А. Шишковой: «Со стороны бывали ей внушаемы невыгодные понятия об образе мыслей Карамзина, будто бы недовольно приверженного к вере, недовольно консервативного, словом, человека новых, небезопасных понятий, и я, как умел, защищал его от этих нападков, и она, хотя не всегда убеждалась, но всегда была довольна моею преданностью тому, кто первый принял в моей судьбе участие, кто меня поручил супругу ее и доставил им обоим удовольствие иметь при себе человека, которого так полюбили и удостоивали своей доверенности. И это общее ко мне благорасположение и доверие главных вождей двух противных между собой литературных партий, разрозненных между собою в убеждениях, но взаимно отдававших друг другу справедливость в доброте сердца, составляло, можно сказать, венец моего тогдашнего счастья» (Русская старина. 1874. № 10. С. 248—249). В рукописи дневника под 10 июня отмечен разговор Сербиновича с Д. А. Шишковой, которая позвала его к себе и «сказала свои мысли о Н. М.». «Я заступился за него» (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5583. Л. 65, об.). Сохранились пометы Сербиновича на полях рукописи книги М. П. Погодина «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников»; в них Сербинович возражал против наметившейся тенденции представить Шишкова в поздние годы сторонником Карамзина. Так, на процитированные Погодиным утверждения А. С. Стурдзы, что «маститый старец» «преклонил главу пред изящной чистотой слога» Карамзина и даже «влюбился в его творения», Сербинович возразил: «Это сказано слишком. Впоследствии он действительно вполне оценил, но только слог Истории. (Далее рукой П. А. Вяземского: «Я также думаю, что отзыв преувеличен». — В. В.). Впрочем, полагаем оставить должно как есть; это собственные слова Стурдзы, за которые он и отвечать должен». В другом месте, откликаясь на замечание Погодина, что Шишков «сделался карамзинистом», «прочел все 11 томов его Истории и остался ею очень доволен», Сербинович записал: «Шишков читал, но не мог прочесть ее. Знаю, что наконец он и прочел или, лучше сказать, прослушал именно все 12-ть томов, но уже тогда, когда в глубокой старости был слеп: ему прочла по вечерам племянница второй жены его (вышедшая потом замуж за Озерского)» (ГБЛ. Ф. 231. I. 16. 1ж. Л. 19, 18, об.).

Говоря в общем виде о полемике вокруг «Истории государства Российского», и Свинын, и Сербинович учитывают, конечно, весь хорошо известный им спектр критических отзывов, в том числе и те, которые шли из либеральных и декабристских кругов. Сербинович знал и Н. И. Тургенева, и Н. М. Муравьева. Это отчасти объясняет и не вполне ясные до сих пор особенности социального поведения Сербиновича в ближайшие годы. Его возражения Свиныну в иных случаях буквально совпадают с замечаниями А. И. Тургенева; по-видимому, он сочувствовал и тому освещению личности и деятельности Карамзина, которое содержалось в пушкинских «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях». В 1827 году Сербинович, будучи цензором Петербургского цензурного комитета, допустил этот отрывок к печати (сделав, по-видимому, несколько купюр в политически рискованных местах), несмотря на то что по своему содержанию и по целому ряду упоминаемых Пушкиным фактов

мемуары были совершенно бесцензурны: Пушкин говорил в них о критике Карамзина Н. М. Муравьевым и М. Ф. Орловым, скрыв имена под инициалами. И история, и участники этих полемик Сербиновичу были известны. Одна из помет Сербиновича на полях рукописи книги Погодина гласит: «Никита Муравьев из уважения к Карамзину показал ему свою записку прежде всех. Н(иколай) М(ихайлови)ч предоставил ему сообщать ее всем, кому пожелает. [Об этом доставлю нечто подробнее]» (последняя фраза зачеркнута) (ГБЛ. Ф. 231. Пог. / I. 16. 1 ж. Л. 48). Сербинович знал и то, что автор «Отрывков...» Пушкин. До сих пор мы могли предполагать это с большой степенью уверенности, зная, что он имел в руках автограф статьи; сейчас его помета на погодинской рукописи рассеивает последние сомнения: «Тут не мешало бы повторить то, что сказал Пушкин в «Сев(ерных) Цветах», что, говорят, по поступлении И(стории) Г(осударства) Р(оссийского) в продажу несколько дней заметно было уменьшение движения экипажей на улицах» (Там же. Л. 46). (В этом последнем случае Сербинович ошибся, по-видимому, не имея под руками альманаха; приводимое им свидетельство находится не в мемуарах Пушкина, а в статье А. Ф. Воейкова (подписанной «В.») «Несколько слов об „Истории государства Российского“, сочиненной Н. М. Карамзиным»: «Уверяют, что даже экипажи несколько дней реже стучали по мостовой петербургской; все с страстным любопытством углубились в чтение истории предков, коих славное имя потомки не уронили, а возвеличили» (Новости литературы. 1824. № 10. С. 153—154). Много позднее над этим замечанием иронизировал Булгарин (Северная пчела. 1847. 1 марта. № 48. С. 191), тем не менее оно получило довольно широкое распространение: так, его пересказывает в своих воспоминаниях Н. И. Лорер (Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931. С. 66—67)). Будучи цензором пушкинской статьи, Сербинович не потребовал удостоверения, что она прошла обязательную для Пушкина личную цензуру Николая I (см. подробнее в нашей статье «Подвиг честного человека» в кн.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». 2-е изд., доп. М., 1986. С. 31—34, 64—67, 81—87). Способствуя появлению в печати пушкинских мемуаров, Сербинович содействовал утверждению тех представлений о Карамзине, которые отчасти совпадали с его собственными, нашедшими выражение в публикуемом письме.

¹ В печатном тексте некролога это место читается: «...Весть о внезапной кончине императора Александра Павловича, коему он был предан всею душою, немало содействовала к усилению его болезни и нанесла тяжкую рану его сердцу; а кончина императрицы Елисаветы Алексеевны — особенно его покровительствовавшей и уважавшей — сделала рану сию неизлечимую: усугубила злую чахотку, которая скоро низвергла его во гроб» (Отечественные записки. 1826. № 74. С. 446). Свинын следует здесь за некрологом Греча. Ср. свидетельство А. И. Тургенева в письме к Вяземскому от 13 мая 1826 года: «Кончина императрицы более тронула, чем поразила его. Он говорил о ней с чувством умиления, но слабость спасла его от сильного потрясения» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 142).

² В печатном тексте упрек в «искажении языка русского» адресован «слепым подражателям Карамзина», не имеющим «ни его дарований, ни его вкуса». Свинын упомянул и о «неприятелях» Карамзина, грозивших увлечь «некоторых писателей в другие крайности» (намек на сторонников Шишкова и «Беседу»). Самому Шишкову Свинын приписывал заслугу прекращения противоборства литературных партий, характеризуя его как «мужа, давно известного своим просвещением, Нестора русской словесности», чье рассуждение «О старом и новом слоге российского языка» якобы остановило «разлитие галлицизма, германизма, излишней плаксивой чувствительности и безразборчивого введения напыщенного славянизма» (с. 451—452). Наряду с прославлением правительства, награждающего таланты, этот пассаж, адресованный министру народного просвещения, был актом неприкрытого сервилизма. Далее Свинын перефразировал замечания Сербиновича, частью прямо включив их в текст: «История» Карамзина охарактеризована им как «образцовое произведение исторического красноречия, соединенного с глубокою политикою и здравою критикою — великое в целом, в расположении частей и в отделке самых подробностей»; он допускал, однако, что оно «может лет через 30, 50 или более устареть в слоге, устранить привлекательность свою», в то время как примечания «останутся навсегда сокровищами для русских дееписателей» (С. 452).

³ В печатном тексте это утверждение отсутствует; Свинын ограничился лишь указанием на содержание 12-го тома, который должен быть «всех занимательнее», как содержащий «краткий взгляд» на историю царствующей династии (с. 453).

⁴ Перечисление «выгод», полученных Карамзиным от «Истории» (приближение ко двору, получение ордена св. Анны I степени в чине статского советника, пенсии и т. д.), занимает большое (едва ли не центральное) место в некрологе Свинына, иллюстрируя его мысль, что в России «люди с истинными дарованиями вознаграждаются, достигают почестей и обеспечивают свое благосостояние» (с. 447). Эта часть некролога вызвала особенное возмущение в карамзинском кругу (в частности, у А. И. Тургенева).